
ПАБЛО СЕНДРА
РИЧАРД СЕННЕТ
ПРОЕКТИРОВАТЬ БЕСПОРЯДОК
ЭКСПЕРИМЕНТЫ И ТРАНСГРЕССИИ В ГОРОДЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

УДК 711.1
ББК 85.118
С31

Сендра П., Сеннет Р.

С31 Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе [Текст] / пер. с англ. И. Кушнаревой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. — 280 с. — (Серия «Библиотека урбаниста»)

ISBN 978-5-93255-627-6

В 1970 году Ричард Сеннет опубликовал новаторскую книгу «О пользе беспорядка», в которой утверждал, что идеал хорошо спланированного и упорядоченного города имеет свои недостатки. Пятьдесят лет спустя Сеннет возвращается к этим все еще плодотворным идеям и вместе с активистом и архитектором Пабло Сендра разрабатывает повестку для дизайна и этики «Открытого города». В этой смелой книге Сендра и Сеннет предлагают пересмотреть, как мы осмысляем наши города и планируем в них общественную жизнь. Они соединяют архитектуру, политику, городское планирование и активизм с тем, чтобы развивать места, которые будут питать, а не подавлять, объединять, а не разделять, оставаться открытыми для перемен, а не закрываться от них.

DESIGNING DISORDER: EXPERIMENTS AND DISRUPTIONS IN THE CITY
First published by Verso 2020
© Pablo Sendra and Richard Sennett, 2020
© Издательство Института Гайдара, 2022

Содержание

Введение · 8

ЧАСТЬ I. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО · 13

1. Политика скрытого города · 15
2. Открытые формы · 46

ЧАСТЬ II. ИНФРАСТРУКТУРА ДЛЯ БЕСПОРЯДКА · 71

3. С бумаги на план · 73
4. Внизу · 106
5. Вверху · 146
6. Беспорядок в разрезе · 172
7. Процесс и поток · 204

ЧАСТЬ III. РАЗРУШАТЬ И СТРОИТЬ · 243

Благодарности · 273

1
Политика скрытого города

В 1804 ГОДУ в разгар военного завоевания Европы Наполеон выпустил законы, которые должны были регулировать общественную жизнь во Франции и во всей империи. Гражданский кодекс наводил порядок в повседневной жизни: регулировал семейные дела, определил школьную программу и организовал религиозные практики. Это был первый важный пример современной социальной инженерии.

Прошло немногим более десяти лет, и наполеоновская империя оказалась в руинах, как и его формальные, рационализированные планы в отношении гражданского общества. Писатель и политический мыслитель Бенжамен Констан радовался тому, что они провалились. Но что должно было прийти им на смену? Он мечтал, что вместо возвращения к Старому порядку или к необузданной идеологии революции возникнет новый вид гражданской органи-

зации. В сочинении 1819 года «О свободе у древних в сравнении ее со свободой у современных людей» Констан ратовал за такую обыденную жизнь, в которой людей на их личном уровне вдохновляют неожиданности, где социальный опыт не ограничивается «группами единомышленников», политические законы подвергаются сомнению. В идеальном обществе, каким его представлял себе Констан, люди учатся уживаться с неоднозначностью, противоречиями и сложностью, более того, такая жизнь дает им преимущества. Жизненный поток уходит вглубь, утверждал он, а не несет свои ясные воды на поверхности. Жизненный поток течет через город.

По мысли Констана, такой город, как Париж, должен иметь три свойства. В старом, дореволюционном городе богатые и бедные жили рядом, но не смешивались. Это был город индифферентности. В революционном городе, особенно в эпоху Террора 1792–1794 годов, где за людьми, не подчинявшимися господствующей власти, охотились и отправляли их на эшафот, различие становилось преступлением. После падения Наполеона, с 1815 по 1830 год Констан жил в Париже, улицы которого наполняли люди, очень интенсивно и нервно ощущавшие присутствие друг друга, но тем

не менее оставлявшие друг другу возможность жить своей жизнью. Исторический беспорядок одновременно и травмировал жителей, и укрощал их. В этом третьем, измученном Париже воплотилась констановская идея гражданского общества.

В этой книге мы выясняем то, что могло бы сегодня означать констановское *ви*дение и как оно могло бы быть реализовано на практике. Этот проект начался пятьдесят лет назад, когда я, Ричард Сеннет, написал книгу «О пользе беспорядка». Я тогда мало что знал о Наполеоне и никогда не слышал о Бенжамене Констане. Но прощупывая связи между личностью и городом, эта книга исследовала особую версию гражданского общества. В ее основе лежало довольно очевидное допущение о том, что личный опыт расширяется, когда он обращается вовне, а не внутрь. Точно так же гражданское общество возникает там, где индивиды начинают меньше думать о себе и больше об обществе.

Но как этого добиться? Я утверждал, что плотный и многообразный город особым образом ангажирует людей. Это не только вопрос столкновения с разными образами жизни в городе и толерантного отношения к ним. Для того чтобы установить связь с другими людьми, которые от-

личаются по цвету своей кожи или религии, иначе любят, происходят из далеких культур, люди должны внутренне расслабиться, относиться к собственной идентичности не как к абсолюту, а как к трудно определимой сущности. Скажем так, люди должны «самообеспорядочиться».

Это ставит перед нами большую и конкретную проблему. Город — физическая сущность, содержащая в себе множество самых разных образов жизни. В старофранцузском языке существовали два слова: ville как физическое скопление домов и улиц и cité как поведение и вид людей, живущих в этом физическом месте. Можно ли физически создать тот вид гражданской ангажированности, которая описывается в «О пользе беспорядка»? Можно ли спроектировать здания, улицы и общественные пространства так, чтобы ослабить устоявшиеся привычки, внести беспорядок в абсолютный образ себя?

Книга вышла из печати, а я все равно остался не удовлетворен ответами на вопрос о материальном построении гражданского общества, которые дал. Поскольку моя работа все чаще была связана с практическим городским планированием, я мысленно переживал из-за этого

серьезного недостатка материальных ответов, и именно это послужило источником коллаборации, представленной в данной книге. В ней архитектор Пабло Сендра исследует то, как гибкая городская инфраструктура может помочь сделать жизнь в городе более вольготной и насыщенной. Цель Сендра — спроектировать инфраструктуру, которая благоприятствовала бы инновациям в сообществе и его неожиданным конфигурациям. Хотя такие проектные решения могут облегчить функционирование сложного, многообразного и привольного города, они не могут его породить в одиночку. Они лишь инструменты, необходимые, но недостаточные для создания зрелого городского гражданского общества. Отличительный признак сложного, многообразного, привольного города: в нем человек может оглянуться назад и сказать, что «жизнь повернулась иначе, чем я ожидал». Именно эту мысль Констан считал обоснованием гражданского общества — жизнь, выплескивающаяся за рамки установлений и предписаний, — хотя ему никогда не приходило в голову, что канализация Парижа может стать инструментом, обеспечивающим свободу опыта.

* * *

Наполеоновский Гражданский кодекс был революционным, потому что давал всем гражданам равные права — если только они были мужчинами. Наполеон выступал за «семейные ценности», которые привязывали женщин к мужьям и ущемляли в правах незаконнорожденных детей. Кодекс даровал всем свободу вероисповедания, разрешив протестантам и евреям молиться открыто, но в то же время возвращал рабство во французские колонии. Этот непростой документ имел глубоко позитивные последствия, в том числе для дальнейшей борьбы за гражданские права. В частности, он провозгласил всеобщее школьное обучение. И эти требования равенства в доступе к образованию после Второй мировой войны дали толчок борьбе за гражданские права в Америке, где гражданский кодекс лег в основу решения Верховного суда 1954 года, запрещавшего расовую дискриминацию в школах.

Когда книга «О пользе беспорядка» вышла в 1970 году, веками копившиеся несправедливости в отношении цветных американцев превратили крупные американские города в поле жесточайших сражений. Для анализа этих волнений была созда-

на комиссия Кернера, общенациональный полуправительственный орган. Мэр Нью-Йорка Джон Линдси был членом этой комиссии, а в 1967 году я работал одним из его многочисленных помощников. Комиссия пришла к выводу, что «белое общество глубоко связано с тем, что происходит в гетто. Гетто создали белые институты, белые институты его поддерживали и белое общество его оправдывает». Эти слова могут служить своеобразным объяснением названия «О пользе беспорядка»: серьезные беспорядки подают сигнал.

Однако сожженные улицы не воскрешают сцены забаррикадированных улиц, которые Констан наблюдал в конце жизни, во время революции 1830 года в Париже. Эти баррикады были построены с целью защитить восставшие районы от атак военных и полицейских облав. В то время для строительства баррикады на улицу выбрасывали мебель, ее сваливали в кучу по углам и образовывался тупик. В 1830 году пространство за баррикадами патрулировалось восставшими горожанами, которые постоянно находились начеку. Пока армия не сломила сопротивление, в течение нескольких недель улицы были дисциплинированными пространствами. В свою очередь во время жестоких городских бунтов 1960-х годов фа-

сады магазинов в белых кварталах поджигали мародеры, затесавшиеся в ряды протестующих. Лидеры городского протеста не сумели обуздать этих безжалостных паразитов. Как выяснила комиссия Кернера, число мародеров было невелико, тем не менее польза от революционных беспорядков была подпорчена грабежами.

Расовые волнения — не единственные беспорядки, коснувшиеся в то время Америки. Хотя он редко бывал насильственным, более персонализированный беспорядок охватил гражданское общество привилегированных граждан: средний класс, белых, гетеросексуальных и, если они были молоды, освобожденных от военной службы за рубежом. Недовольство внутри этой «безопасной» зоны восходило к тому неприятному состоянию, о котором писал Констан.

Констан был не только юристом, но и романистом; два этих занятия он практиковал порознь, представляя их как два отдельных острова, названных Воображением и Философией. В романе «Адольф» он изображает молодого человека, отказавшегося от романтической любви и тщательно фиксирующего ее исчезновение, а не первоначальный любовный пыл. Адольфу надоели буря и натиск желания, в среднем возрасте

повороты в карьере возбуждают его больше, чем любовная страсть. Романист описывает эту историю, чтобы показать, в какого «мелкого» человека превращается в результате Адольф.

Таким образом, философ гражданского общества порицает жизнь, втиснувшую себя в узкие рамки, за то, что она начинает бояться приключений, уклоняться от трудностей, избегать бури и натиска страстей. Этот роман разительно отличается от истории честолюбивых устремлений, которую приводит его современник Стендаль в «Красном и черном». Главный герой Стендаля Жюльен Сорель полон амбиций, им движет желание покорить Париж и проникнуть в самое сердце власти, сделавшись домашним Наполеоном. Адольф не пылает страстью, но и не соответствует более немецкому образцу честолюбивых устремлений, когда на смену дерзаниям молодости в зрелом возрасте приходит примирение и сожаления. Адольф рад, даже счастлив, вести размеренную, четко размеченную жизнь.

Констан-философ не анализирует механизм негативного влияния, которое эта «мелочность» может оказать на гражданское общество. Объяснение появится позднее, в социальной науке. Страх, исследуемый в «Адольфе», почти столетие спустя

возникнет в работах Макса Вебера о бюрократии. Люди живут в «стальной клетке», по знаменитому выражению Вебера, когда работают в бюрократической системе, особенно если их главная цель в жизни — подняться выше по бюрократической лестнице. Теперь благодаря Веберу фигура Адольфа попадает в широкий контекст, в котором усилия по рационализации общества, такие как гражданский кодекс, неизбежно создают бюрократии, унижающие людей: «Рациональный расчет… сводит каждого работника до положения винтика в бюрократической машине и, видя себя в таком свете, он задается вопросом только о том, как превратиться… в винтик побольше»[6].

Вебер не был сухим наблюдателем этого процесса: «Страсть к бюрократизации… приводит в отчаяние». Несомненно, он был не единственным, кто выявил симптомы этой болезни. В таких романах, как «Человек без свойств» Роберта Музиля, безжалостно, хотя и с комическими подробностями разбирается то, как бюрократия ведет к измельчанию жизни. Возможно, самый

6. Цит. по: Max Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* (Berkley, CA: University of California Press, 1978), lix.

отчаянный образ железной клетки нашел современник Вебера Райнер Мария Рильке в стихотворении о пантере, запертой в зоопарке. Стихотворение начинается со строк «Лишь эти прутья клетки отражая, взгляд изнуренный не приемлет свет»[7].

Отчаяние железной клетки охватывало моих сверстников, которые выросли в безопасной зоне. Социолог Ч. Райт Миллс не без симпатии описывает отдельно взятую клетку, выстроенную его родителями: их преследовали кошмары Великой депрессии и Второй мировой войны, но они о них не распространялись, их можно было вытеснить, благо Америка процветала и добилась глобальной гегемонии, однако к началу 1960-х дети начали метаться по зоне безопасности, как пантера в клетке, а к концу десятилетия уже пытались активно ее разрушить. К молодежи вернулась страсть к масштабному новому опыту, которую Констан, а за ним Музиль и Вебер считали утраченной. И тут на сцену выходит «О пользе беспорядка».

Я был родом не из этой зоны. Мое детство прошло в комплексе общественного жилья, а моя мать-одиночка тайно вступи-

---

7. Р. М. Рильке, "Пантера", в: Р. М. Рильке, *Стихотворения* (Москва: Радуга, 1999), 137.

ла в Коммунистическую партию. Я был геем и с пятнадцати лет жил в Чикаго и Нью-Йорке самостоятельно, один или с любовниками. Обстоятельства сложились так, что я очутился в Гарвардском университете в молодом возрасте. Там беды тех, кто рос в безопасности, поначалу казались мне блажью. Со временем я понял, что эти страдания были реальными. Кроме того, я был зациклен на себе, как любой Гамлет из пригорода. Я допускал серьезные ошибки в оценке незнакомых людей, рядом с которыми оказывался днем и ночью. Я выжил, но знаний о себе у меня не прибавилось.

В Гарварде я занялся самопознанием при помощи письма. Что-то во мне хотело писать, но не автобиографию в строгом смысле слова, а о местах, в которых я жил; в отношениях между личностью и городом «город» казался мне самостоятельной единицей. Я был не готов обратить свой взгляд на самого себя, можно сказать и так. Но в Гарварде мой наставник, психоаналитик Эрик Эриксон, решил, что это верный путь: обратить взгляд не внутрь, а вовне.

В молодости в Дании Эриксон был художником, который ничего не добился в искусстве и избрал второй профессией психоанализ, учился под руководством Фрейда и работал с детьми в Вене. Он бежал

из охваченной войной Европы и поступил работать в психиатрическую клинику Остина Риггса в Массачусетсе, где стал больше интересоваться подростками и молодежью. Там Эриксон провел работу, которая его прославила, — о «кризисе идентичности», случающемся на переходе из подросткового возраста во взрослое состояние[8]. Согласно его взгляду, это острое состояние возникает из-за конфликта между стремлением к новому опыту и избеганием его. С одной стороны, молодежь жаждет нового, с другой — боится оказаться слишком уязвимой. Если этот конфликт не проработать, у молодого человека сложится слишком сковывающее представление о себе, которое помешает ему принять различия и расхождения с другими людьми.

В «О пользе беспорядка» я принял эту теорию, но со временем понял, что можно обойтись без копания в Оно, его слива через Сверх-Я и всего прочего. Когнитивный психолог Леон Фестингер так и сделал, занявшись исследованием постоянного взаимодействия в мозге между индуктивным любопытством, открывающим новые горизонты, и дедуктивным рассудком, стремя-

8. Эрик Эриксон, *Идентичность: юность и кризис* (Москва: Прогресс, 1996).

щимся бороться с этим ментальным беспорядком. Кроме этого, есть психолог Кэрол Гиллиган, которая отвергла идею о том, что подростковый кризис идентичности («Кто я?») является моментом, определяющим то, как человек разбирается с гендерными различиями у себя и других. Она показала, как гендер переопределяется снова и снова на протяжении всей жизни человека.

Эти психологи нефрейдистского толка переформулировали то, что у фрейдистов называется «силой Я». Неважно с чем они сталкиваются: с математической задачей, неприятными требованиями со стороны любимого человека или необходимостью изучить новую профессию, люди должны развить у себя способность иметь дело с неопределенным, трудным и неизвестным, чтобы исследовать неожиданный поворот событий, а не обороняться от него. И в этом заключается сила самого Эриксона как мыслителя: он был в большей степени моралистом, чем психоаналитиком.

Его моральный взгляд можно передать фразой «*Меньше Себя, больше Другого*». Это то позитивное, что происходит во время кризиса идентичности и вообще на протяжении всей жизни: человек вбирает в себя больше внешнего Другого, меньше проеци-

рует на других свою собственную самость. Для того чтобы практиковать эту этику требуется психологическая сила, но эта способность не может развиться в вакууме. Люди должны упражняться в применении принципа «*Меньше Себя, больше Другого*», подобно тому как они ходят в тренажерный зал качать мускулы. Моя идея была в том, что большой, густонаселенный, многообразный город был местом, в котором люди могут практиковаться и постепенно накачивать свой моральный мускул.

Будь Констан жив сегодня, подозреваю, фраза «*Меньше Себя, больше Другого*» нашла бы у него отклик. Гражданское общество, как он его понимал, должно помочь людям обратиться вовне, отбросить предрассудки и привычки как абсолют, определяющий образ жизни. Но его взгляд был сложнее и мудрее, чем та мораль, которую я изложил в четырех словах. Гражданское общество, по Констану, — место, в котором люди одновременно связаны и не связаны друг с другом. Это должен быть не только общий город, но и город одиночества.

Констан, возможно, узнал об этой двойственности из своих отношений с мадам де Сталь, писательницей, с которой он познакомился в Париже в 1795 году и вместе с которой бежал в Швейцарию, когда Наполе-

он изгнал ее в 1802 году. Ее роман 1807 года «Коринна, или Италия», манифест о правах женщин под видом легкого рассказа, ратовал за освобождение женщин от постоянных обязательств в браке, за их право на интрижки, за их «неотчуждаемое право на неприкосновенность личной жизни». Констан, не склонный к моногамии, практиковал в жизни принципы, которые мадам де Сталь проповедовала, — пока они с женой Шарлоттой фон Харденберг, на которой он женился после смерти мадам де Сталь, не вернулись в Париж.

В Париже в своих сочинениях он перенес эротическую этику мадам де Сталь на гражданское общество в целом. Он мечтал об обществе, оспаривающем коллективную конформность и приличия. Гражданское общество должно приветствовать различия и флуктуации в поведении, чтобы люди могли быть свободы, могли быть собой — в одиночку. Непреодолимую дистанцию, неизбежное молчание, возникающее между людьми, которые различаются, следовало признавать и уважать. Вот что делает гражданское общество «цивилизованным» и создает возможности для большого, густонаселенного, многообразного города — по контрасту с сующей свой нос в чужие дела деревней.

* * *

Но мы не можем говорить о свободе, ничего не сказав о власти. И город, будучи образцовой сценой для самовыражения и социального ангажирования, также является местом, охваченным сложными сетями господства.

В 1806 году Наполеон захватил Йену, где преподавал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Молодой философ бежал, прихватив с собой одну только незаконченную рукопись «Феноменология духа»: Наполеон внушал ему ужас. В поздние годы Гегель стал боготворить Наполеона как героическую фигуру и превозносить гражданский кодекс как рациональный способ организации гражданского общества, но это в будущем, когда Гегель, постарев, превратился в проповедника порядка.

«Феноменология духа» — более радикальная книга, в которой автор спорит с самим собой. Самая знаменитая ее глава — «Господство и рабство», и, вероятно, самая прославленная фраза в этой главе утверждает, что люди самореализуются «только будучи признанными» другими людьми. То есть «процесс взаимного признания» необходим каждому человеку, чтобы почувствовать всю полноту своей самости. Это может пока-

заться не более чем философской версией клише о том, что человек не остров, но Гегель превращает признание в более глубокую и мрачную проблему.

Как люди, неравные по положению — господа и слуги, хозяева и рабы, могут практиковать взаимное признание? Слуга обязан повиноваться господину, но Гегелю этого недостаточно. Во время Французской революции Гегель имел возможность наблюдать, что, если слуги не верят в своих хозяев, они в конечном счете обратятся против власть имущих. Это радикальное предположение: в итоге власть зависит от добровольного подчинения тех, кто подчиняется. Более того, господин, рассчитывающий на длительное господство, хочет, чтобы его считали легитимным, хочет, чтобы его (во времена Гегеля это всегда был «он») слуги признавали, что он имеет право распоряжаться ими.

Отношения между «господами» и их «слугами», как Гегель называл начальников и подчиненных, стали гораздо более вероятными, как он думал, в современном мире, чем в обществах прошлого. В прошлом господина легитимировали религиозные догмы или наследственные привилегии, ему самому не нужно было ничего делать, когда общественный порядок был установлен Богом. В секулярном обществе, враждеб-

но настроенном к традициям, признание подчинения на фоне пропасти неравного положения становился более ненадежным. Нечто подобное наблюдал Макиавелли во время бунтов в городах-государствах эпохи Возрождения, но он считал, что эту дилемму можно решить при помощи искусства управления, того, как правитель ведет себя, чтобы добиться от своих подданных добровольного подчинения. Но во времена Гегеля этот вопрос стал не только политическим, но и социальным.

Бенжамен Констан, современник Гегеля, чувствовал, что парижан 1820-х годов связывали друг с другом не только общие страдания. Люди в городе образовали гражданскую единицу, хотя большинство уже не верило в революционный лозунг о *свободе, равенстве и братстве* и лишь немногие мечтали о том, чтобы Наполеон сбежал с острова Святой Елены. Какая химия связывала отныне обязательствами людей с крайне неравным положением? Что-то существовало, но Констан не мог сказать, что именно.

Гегель попытался решить эту проблему, сосредоточившись на потребности слуг в признании. Сегодня к «слугам» в этом смысле могут быть причислены женщины, геи и трансгендеры, иммигранты, этнические меньшинства — любой, кто не призна-

ется в качестве равного господином. Каждый из этих слуг, по словам Гегеля, участвует в поединке с господином, добиваясь принятия себя: работающие женщины, борющиеся за признание своих прав на равную оплату труда, геи, борющиеся за право усыновлять детей и становиться родителями, иммигранты, ищущие признания того, что они законопослушные граждане, или трансгендерные персоны, которые должны преодолеть препоны, установленные медицинским истеблишментом, чтобы добиться юридического признания своей гендерной идентичности. Во всех этих случаях, по гегелевской логике, господин устанавливает условия принятия. Эта борьба за признание подчиняет слуг их господам. Даже если, как в наполеоновском кодексе, мужчины или верующие имеют равные права по закону, в гражданском обществе борьба за признание все равно продолжается. Смотри на меня! Признай, что я есть! Не обращайся со мной так, словно меня нет!

Если слуга хочет свободы, а не признания, он должен преодолеть саму эту рамку отношений слуги и господина. И этот процесс происходит в четыре этапа: сначала слуга стоически принимает свои страдания, затем у него развивается скептическое отношение к тому, имеет ли господин пра-

во заставлять его страдать, за этим следует период отстранения, когда подчиненный чувствует, что он освободился от господина, но не знает, что ему делать, и несчастен. В конце концов рефлексия приводит к избавлению от этого несчастья.

Размышляя о том же вопросе в ключе, как можно жить в городе, Иммануил Кант выдвинул идею «космополитизма»: необходимо вступать в дискуссии с незнакомыми людьми о рассудке и рациональных поступках. Практика дистанцирования от близости делала возможным ангажирование без подчинения. Однако молодой Гегель усомнился в этом варианте космополитической жизни на вполне весомых исторических основаниях. Такая жизнь неизбежно приведет к образованию некоей коллективной идентичности. Во время Французской революции незнакомые люди на парижских улицах вместе охотились за «предателями», «тайными аристократами» и другими извращенцами, слившись воедино в порыве безрассудной страсти.

В 1890-е, основываясь на личном опыте, что представляла собой Парижская коммуна, Гюстав Лебон сделал такую коллективную иррациональность предметом своего изучения и попытался описать идентичность толпы. За ним последовали не-

похожие работы Элиаса Канетти, а затем и Зигмунда Фрейда. Все они констатировали, что человеку легче забыться, когда его окружают незнакомые люди. Таким образом, начали считать, что анонимный город поощряет безответственность.

Более того, Гегель, кажется, впал в противоречие, когда заявил, что признание со стороны других людей необходимо для того, чтобы в полной мере быть человеком. Такая потребность в авторитете не всегда бывает проявлением низменного инстинкта: дети должны полагаться на взрослых, учась в школе, а солдаты — на приказы командиров, чтобы выжить в сражении. Следовательно, правила могут направлять и вселять уверенность. Вопрос в том, какие правила этого не делают и при каких условиях люди могут и должны оспаривать господство.

Предлагаемый Гегелем выход из дилеммы раба и господина — провозгласить, что «в труде, направленном вовне… работающее сознание приходит, следовательно… к созерцанию самостоятельного бытия *как себя самого*»[9]. Карл Маркс ухватился именно за эти слова из «Феноменологии духа». Но сам Гегель, недовольный акцен-

9. Г. В. Ф. Гегель, *Феноменология духа* (Москва: Наука, 2000), 103.